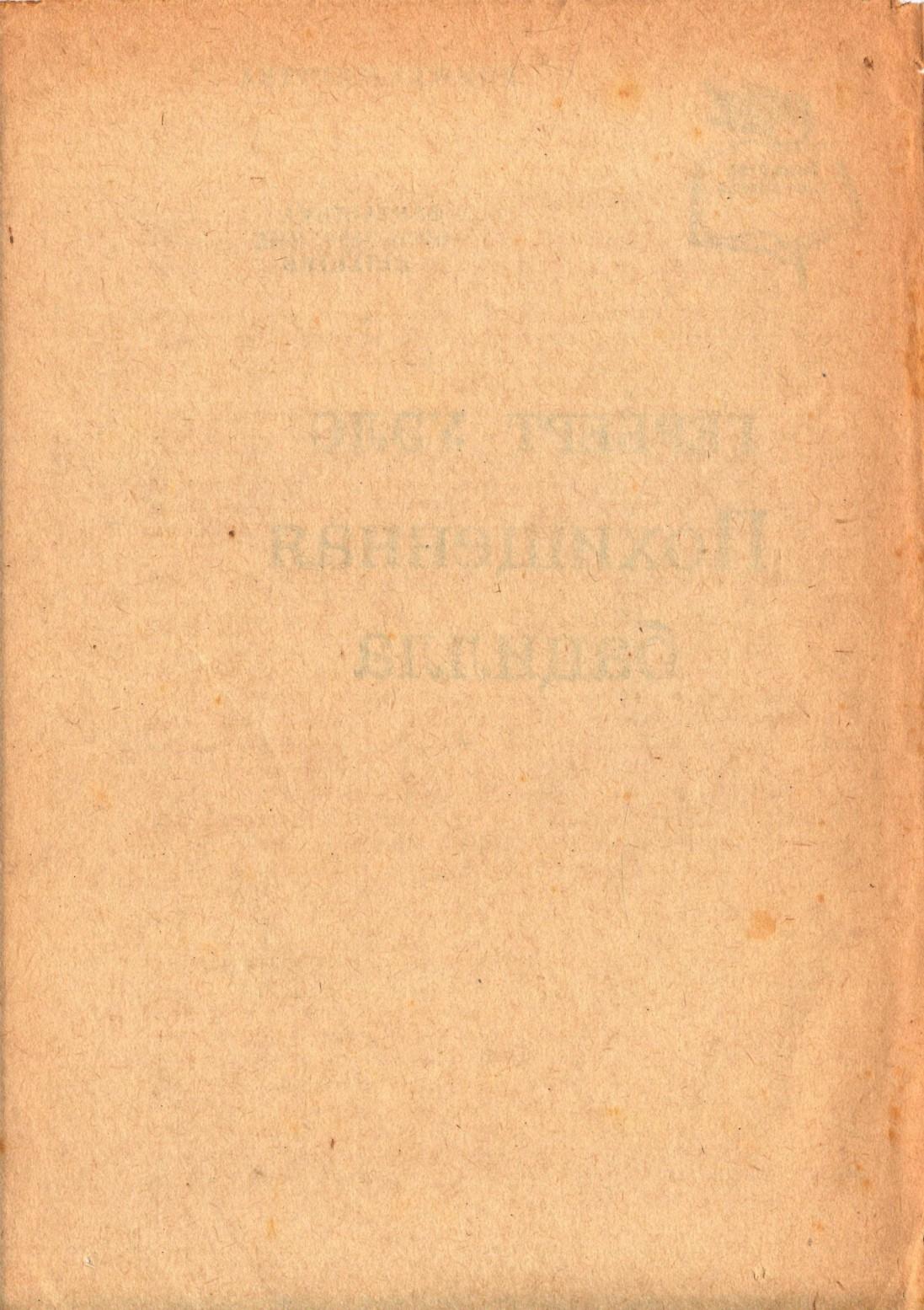

КНИЖКА-МИНУТКА

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЕ
ДЕТЕКТИВ

ГЕРБЕРТ УЭЛС
Похищенная
бацилла

ПОХИЩЕННАЯ БАЦИЛЛА

— А вот это, — сказал бактериолог, подкладывая под микроскоп стеклянную пластинку, — препарат знаменитой холерной бациллы — микроб холеры.

Человек с бледным лицом заглянул в микроскоп — очевидно, он не привык иметь дело с этим прибором — и мягкой белой рукой прикрыл левый глаз.

— Я почти ничего не вижу, — сказал он.

— Поверните вот этот винт, — посоветовал бактериолог, — может быть, изображение не в фокусе для вас, глаза ведь у всех разные. Чуть-чуть поверните в одну сторону, потом в другую.

— Так, теперь вижу, — сказал посетитель, — но в конце концов видеть-то особенно нечего. Розовые полоски и пятнышки. А между тем такие вот крошечные существа, эти ничтожные микробы могут размножаться и опустошить целый город. Удивительно!

Он встал и, вынув пластинку из-под микроскопа, поднял ее, рассматривая на свет.

— Их почти не видно, — сказал он, разглядывая препарат, и, помолчав, добавил: — Это живые бациллы? Они опасны?

— Нет, они убиты и окрашены, — ответил бактериолог. — Я хотел бы, чтобы мы могли умертвить все подобные бациллы во вселенной.

— Думаю, — с легкой улыбкой проговорил человек с бледным лицом, — что вам не очень-то хотелось бы держать у себя такие существа живыми, в активном состоянии.

— Напротив, нам обязательно надо держать их живыми, — возразил бактериолог. — Да вот, например... — Он прошел в другой конец комнаты и взял одну из нескольких запечатанных пробирок. — Вот это — живая бацилла. Это — культура живой бактерии... — Он запнулся. — Так сказать, холера, загнанная в бутылку.

На бледном лице посетителя на мгновение блеснуло выражение удовольствия.

— Вы владеете смертоносным оружием, — проговорил он, впиваясь глазами в пробирку.

На лице своего гостя бактериолог уловил выражение нездоровой радости. Этот человек только что пришел к нему с рекомендательным письмом от его старого друга и заинтересовал бактериолога, который почувствовал, что он и его гость — люди совсем разного склада. Прямые черные волосы и глубоко посаженные серые глаза незнакомца, осунувшееся лицо и нервные движения, жадный, острый интерес к бациллам — все это было так не похоже на флегматичных, рассудительных ученых, с которыми привык общаться бактериолог. Перед слушателем, интересующим-

ся, очевидно, прежде всего смертоносностью бактерий, естественно было показать дело с самой эффектной стороны.

Задумавшись, бактериолог держал в руке пробирку.

— Да, — проговорил он, — это — холера, посаженная за решетку. Разбейте такую вот пробирку над источником, питающим городской водопровод, скомандуйте этим крошечным живым частичкам — таким крохотным, что их можно рассмотреть только в самый мощный микроскоп, и то окрасив препарат, бактериям без вкуса и запаха, — скомандуйте им: «Вперед! Расти и размножайтесь, наполняйте цистерны!» — и тогда смерть, таинственная и неуловимая, смерть быстрая и ужасная, смерть мучительная и невообразная обрушится на город и начнет рыскать повсюду, отыскивая себе жертвы. Здесь она лишит жену мужа, там отнимет у матери ребенка, оторвет государственного деятеля от его обязанностей, труженика — от его забот. Она будет следовать по путям водопроводных труб, проникая во все улицы, вылавливая и наказывая то в одном, то в другом доме тех, кто пьет сырую воду, она проникнет в чаны фабрикантов минеральной воды, проберется в салат, когда его будут мыть, и притаится в мороженом. Она будет сидеть в кормушках животных и ждать, когда ее проглотят, она будет подкарауливать беспечных ребятишек, которым захочется напиться из уличного фонтана. Она пропитает землю и появится в ручейках и колодцах, в тысяче самых неожиданных мест. Только пустите эту бациллу в водопровод, и, прежде чем мы поймаем и укротим ее, она уничтожит столицу!

Бактериолог внезапно замолчал. Ему не раз указывали на его страсть к риторике.

— Ну, а здесь, видите ли, она совершило безопасна.

Человек с бледным лицом кивнул головой. Глаза его сверкали. Он откашлялся.

— Эти негодяи-анархисты — дураки, — сказал он, — слепые дураки: бросать бомбы, когда есть такая штука! Мне кажется...

В дверь тихонько постучали, скорее даже не постучали, а поцарапали об нее ногтем. Бактериолог открыл дверь.

— На минуточку, милый, — прошептала его жена.

Когда он вернулся в лабораторию, посетитель смотрел на часы.

— Я и понятия не имел, что отнял у вас целый час, — сказал он, — сейчас без двенадцати четыре, а мне нужно было уйти в половине четвертого. Но то, что вы мне показывали, было так интересно... Нет, право же, больше я не могу остаться ни на минуту, в четыре у меня важное свидание!

Рассыпаясь в благодарностях, он вышел из комнаты. Бактериолог проводил его до дверей, а затем, задумавшись, вернулся по коридору в лабораторию. Он хотел догадаться, какой национальности его посетитель. Несомненно, не германец, но не похож и на представителя латинских народов. Во всяком случае, в нем есть что-то патологическое, — про себя заметил бактериолог, — как он уставился на эту культуру болезнестворных микробов! Внезапно у него мелькнула тревожная мысль, Он повернулся к

скамье возле паровой ванны, затем быстро подошел к письменному столу и стал поспешно шарить в своих карманах, потом бросился к двери.

- Может быть, я оставил ее на столе в передней, — пробормотал он,
- Минни! — хриплым голосом закричал он из передней.
- Да, милый? — отозвался голос из дальней комнаты.
- Когда я только что с тобой разговаривал, милочка, было у меня что-нибудь в руках?

Пауза.

- Нет, милый, ничего не было, потому что я помню...
- Синяя бацилла пропала! — воскликнул бактериолог. Он опрометью кинулся к двери и сбежал по ступеням на улицу.

Услышав стук захлопнувшейся двери, Минни в тревоге кинулась к окну. Она увидела, как на улице какой-то худой человек усаживался в кеб. К нему, неистово размахивая руками, мчался бактериолог ~~без шляпы~~ и в домашних туфлях. Одна туфля упала с ноги, но он не стал терять времени на то, чтобы поднять ее.

- С ума сошел! — воскликнула Минни. — Вот что наделала эта противная наука!

Минни открыла окно и хотела позвать мужа. Худой человек внезапно оглянулся и, по-видимому, тоже подумал, что ученый сошел с ума. Он торопливо показал кебмену на бактериолога и что-то сказал. Щелкнула застежка кожаного фартука, просвистел бич, копыта застучали по мостовой, и в тот же миг кеб и бактериолог, бросившийся за ним следом, понеслись по улице и исчезли за углом.

С минуту Минни стояла, высунувшись из окна, потом вернулась в комнату. Она была совершенно ошеломлена.

«Конечно, муж чудак, — размышляла она, — но все-таки бегать по Лондону в самый разгар сезона в одних носках!..» Ей пришла в голову счастливая мысль. Она быстро надела шляпку, схватила ботинки мужа, выбежала в переднюю, сняла с вешалки его летнее пальто, шляпу и выскочила на улицу. На ее счастье, как раз мимо медленно проезжал кеб, и она его окликнула.

— Везите меня прямо, потом сверните на Хейвлок-кресчент и постарайтесь догнать джентльмена без шляпы и в бархатной куртке.

— Бархатная куртка, мэм, и без шляпы? Очень хорошо, мэм!

И кебмен стегнул лошадь с таким решительным видом, точно ему каждый день приходилось ездить по подобным адресам.

Несколько минут спустя куча кебменов и ротозеев, как всегда сбравшаяся у стоянки извозчиков на Хаверсток-Хиллс, была поражена видом бешено мчавшейся пегой лошаденки, запряженной в кеб.

Все молчали, пока кеб не скрылся из виду, а затем полный джентльмен, известный под кличкой Старого Болтуна, сказал:

- Это Гарри Хикс. Что это с ним стряслось?
- А кнутом-то как работает, вря не машет, — добавил мальчишка Конюх.

— Гляди-ка, — воскликнул Томми Байло, — а вот еще один сумасшедший!

сшедший, разрази мёня на этом месте, и впрямь еще один катит!

— Это наш Джордж, — отозвался Старый Болтун, — а везет он сумасшедшего, это ты верно сказал; как бы он не вывалился из кеба! Не за Гарри ли Хиком он гонится?

Общество на извозчичьей стоянке все больше оживлялось. Кричали хором: «Наддай, Джордж!», «Вот так скажи!», «Ты его догониши!», «Погоня!».

— Ишь, как чешет! — сказал мальчишка конюх.

— Голова кругом идет, — воскликнул Старый Болтун, — ей-богу, сейчас сам помчуусь! Гляди, еще один! Никак все кебмены в Хэмпстеде сияйти сегодня!

— На этот раз — баба! — сказал мальчишка конюх.

— За ним гонится, — добавил Старый Болтун, чаще бывает наоборот; он за ней, а не она за ним.

— Что у нее в руках?

— Похоже, что шляпа.

— Вот забава! Ставлю три против одного на старика Джорджа, — предложил мальчишка конюх, — кто следующий?

Минни промчалась мимо. Ее сопровождала буря оваций. Ей это не понравилось, но она сознавала, что исполняет свой долг, и неслась дальше по Хаверсток-Хиллу и Кэмдентаун-Хай-стрит, не отрывая глаз от спины старого Джорджа, непонятно почему увозившего от нее беглеца-мужа.

Человек в первом кебе сидел, забившись в угол, скрестив на груди руки и крепко сжимая в кулаке пробирку с могучим средством разрушения. Он испытывал смешанное чувство страха и радостного возбуждения. Больше всего он боялся, что его поймают, прежде чем он успеет осуществить свой замысел, однако в глубине его души был смутный, но еще более сильный страх перед чудовищностью затеянного преступления. И все же радость пересиливала страх. Ни один анархист еще не додумался до того, что собирался сделать он. Равашоль, Вайан и все эти знаменитые деятели, славе которых он завидовал, бледнели и казались ничтожными по сравнению с ним. Ему надо только добраться до городской водокачки и разбить пробирку над баком. Как блестяще он все подготовил, подделал рекомендательное письмо, проник в лабораторию и так блестяще воспользовался случаем! Наконец-то мир услышит о нем! Наконец-то всем этим людям, которые над ним смеялись, им пренебрегали, избегали его общества, придется считаться с ним. Смерть, смерть, смерть! Сколько унижений он вытерпел как человек, не заслуживающий внимания. Весь мир был в заговоре, чтобы не дать ему подняться. Теперь он покажет, что значит не замечать человека! Кажется, эта улица ему знакома. Да, конечно, это улица Сент-Эндрю. А где же его преследователь? Он выглянулся из кеба. Между ним и бактериологом было не больше пятидесяти ярдов. Плохо! Его еще могут нагнать и остановить. Он нащупал в кармане деньги и достал полсоверена. Приподнявшись, он через окошечко в крыше сунул монету под нос кучеру.

— Еще дам, — закричал он, — если сумеете удрать!

мгновенно деньги были выхвачены у него из руки.

— Ладно! — сказал кебмен.

Окошечко захлопнулось, и бич опустился на блестящийsoon лошади. Кеб дернуло, и анархист, который еще не успел сесть, ухватился рукой со стеклянной пробиркой за фартук, чтобы не упасть. Он почувствовал, как пробирка сломалась в его руке. Отбитая половинка звякнула о дно кеба. Он выругался, откинулся на сиденье и мрачно поглядел на капли жидкости, упавшие на фартук.

Анархист содрогнулся.

— Ну что ж, кажется, мне придется быть первым. Бр-р, но я по крайней мере стану мучеником. Это уже кое-что! А все-таки ужасная смерть, Так ли она мучительна, как говорят?

Тут у него мелькнула новая мысль. Он пошарил у себя под ногами. В отбитой части пробирки сохранилось немногого жидкости, и он для верности выпил ее. Надо было действовать наверняка. Как бы то ни было, неудачи он не потерпит!

Потом он подумал, что теперь незачем удирать от бактериолога. На Веллингтон-стрит он велел кучеру остановиться и вышел из кеба. На подножке он поскользнулся, голова у него слегка кружилась. Быстро действует этот холерный яд! Он помахал кебмену, как бы устраивая его из своего бытия, и, скрестив руки на груди, остановился на тротуаре, поджидая бактериолога. В его позе было что-то трагическое. Сознание близкой гибели придавало его фигуре некоторое достойнство. Он приветствовал бактериолога вызывающим смехом:

— Vive l' Anarchie! Опоздали, мой друг! Я выпил ваш препарат. Холера спущена с цепи!

Не выходя из кеба, бактериолог сквозь очки поглядел на него с веселым любопытством:

— Выпили? Анархист? Теперь понятно!

Он хотел было что-то добавить, но воздержался. В углах рта затаилась усмешка. Он отбросил фартук, как будто хотел вылезти из кеба, в то время как анархист драматическим жестом махнул ему на прощанье рукой и пошел к мосту Ватерлоо, стараясь своим зараженным телом толкнуть возможно большее число людей. Бактериолог с таким интересом смотрел ему вслед, что почти не выразил удивления, когда на тротуаре появилась Минни со шляпой, пальто и ботинками.

— Очень мило, что ты принесла мои вещи, — рассеянно заметил он, все еще внимательно следя за удалявшейся фигурой анархиста.

— Садись ко мне, — добавил он, не поворачивая головы.

Минни теперь была совершенно убеждена, что ее муж сошел с ума, и на свою ответственность велела кучеру ехать домой.

— Что? Надеть ботинки? Разумеется, милочка, — сказал бактериолог, когда кеб повернулся и скрыл от него торжественную черную фигуру, казавшуюся на расстоянии совсем маленькой.

Вдруг ему что-то показалось таким смешным, что он расхохотался, а

¹ Да здравствует анархия! (фр.)

востом заметил:

— Это все-таки очень серьезное дело. Понимаешь, этот человек пришел сегодня ко мне, а он — анархист... не падай в обморок, а то я не смогу тебе всего рассказать. Я не знал, что он анархист, хотел удивить его и показал ему культуру этой новой бациллы, о которой я тебе говорил, той самой, которая, я думаю, вызывает появление синих пятен у обезьян разных пород. Я свалил дурака и сказал ему, что это — бацилла азиатской холеры. Он похитил ее и убежал, чтобы отравить воду в Лондоне, и он действительно мог бы наделать много неприятностей нашему цивилизованному городу. А теперь он сам проглотил бациллу. Конечно, я не могу сказать наверное, что с ним случится, но ты помнишь, как котенок и три щенка покрылись от нее синими пятнами, а воробей стал ярко-голубым. Хуже всего то, что мне придется опять возиться и тратить деньги, чтобы приготовить новый препарат.

Что? Надеть пальто в такую жару! Зачем? Потому что мы можем встретить миссис Джеббер? Но, милочка моя, ведь миссис Джеббер не сквозняк. Чего ради я стану в жару надевать пальто из-за миссис... А..., ну, ладно!

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДЕЛАЛ АЛМАЗЫ

Дела задержали меня в Чансери-лейн до девяти вечера. Начинала болеть голова, и у меня не было никакой охоты развлекаться или опять сесть за работу. Кусочек неба, едва видный между высокими скалами узкого ущелья улицы, возвещал о ясном вечере, и я решил пройтись по набережной, дать отдых глазам, освежить голову и полюбоваться на пестрые речные огоньки. Вечер, бесспорно, самое лучшее время дня здесь, на набережной: благодатная темнота скрывает грязную воду, и всевозможные огни, какие только есть в наш переходный век — красные, ослепительно оранжевые, желтые газовые, белые электрические, — вкраплены в неясные силуэты зданий самых разных оттенков, от серого до темно-фиолетового. Сквозь арки моста Ватерлоо сотни светящихся точек отмечают изгиб набережной, а над парапетом поднимаются башни Вестминстера — темно-серые на фоне звездного неба. Неслышно течет черная река, и только изредка легкая рябь колеблет отражения огней на ее поверхности.

— Теплый вечер, — сказал голос рядом со мной.

Я повернулся и увидел профиль человека, облокотившегося на парапет подле меня. Лицо у него было тонкое, можно даже сказать красивое, хотя довольно изможденное и бледное. Поднятый и зашипленный воротник пальто указывал на место незнакомца в жизни не менее точно, чем мог бы указывать мундир. Я почувствовал, что, если отвечу ему, мне придется заплатить за его ночлег и завтрак.

Я с любопытством посмотрел на него. Окупит ли его рассказ деньги, которые я за него затрачу, или это обычновенный неудачник, неспособный даже рассказать собственную историю? Глаза и лоб выдавали в нем человека мыслящего. Нижняя губа слегка дрожала. И я решился заговорить.

— Очень теплый, — ответил я, — но все же стоять здесь холодновато.

— нет — сказал он, продолжая глядеть на воду, — здесь очень приятно... именно сейчас.

— Как хорошо, — продолжал он, помолчав, — что еще можно найти в Лондоне такое тихое место. Когда целый день тебя мучают дела, заботы о том, как бы прожить, как выплатить долги и избежать опасностей, не представляю, что бы я стал делать, не будь таких умиротворяющих уголков.

Он делал длинные паузы после каждого предложения.

— Вероятно, вам знакомы житейские невзгоды, иначе вы не стояли бы здесь. Но вряд ли у вас такая усталая голова и так болят ноги, как у меня... Да! По временам я сомневаюсь, стоит ли игра свеч? Мне хочется все бросить — имя, богатство, положение — и заняться каким-нибудь скромным ремеслом. Но я знаю, что, как бы туго мне ни приходилось, если я откажусь от своих честолюбивых стремлений, я до конца моих дней не перестану раскаиваться.

Он замолчал. Я глядел на него с изумлением. Я никогда не встречал человека в более плачевном состоянии. Оборванный, грязный, небритый и нечесанный, он выглядел так, словно неделю проводил в мусорном ящике. И он мне рассказывает об утомительных заботах крупного дельца! Я чуть не рассмеялся. Или это помешанный, или он неудачно издевается над собственной бедностью.

— Если высокие цели и высокое положение, — сказал я, — имеют свою оборотную сторону — напряженный труд и постоянное беспокойство, то они приносят и вознаграждение: влияние, возможность делать добро, помогать слабым и бедным; наконец, удовлетворенное тщеславие — уже награда.

Подшучивать при таких обстоятельствах было бес tactно. Меня подстригло несоответствие между его наружностью и тем, что он говорил. Я не успел кончить, как мне уже стало совестно.

Он обернулся ко мне угрюмое, но совершенно спокойное лицо.

— Я забылся. Разумеется, вы не можете меня понять, — сказал он. С минуту он присматривался ко мне.

— Конечно, все это кажется нелепым. Даже если я вам расскажу, вы все равно не поверите, так что я могу рассказывать, ничем не рискуя. А мне так приятно с кем-нибудь поделиться. У меня действительно на руках крупное дело, очень крупное. Но как раз сейчас начались затруднения. Дело в том, что я... изготавливаю алмазы.

— Вы, вероятно, сейчас без работы?

— Мне надоело вечное недоверие, — нетерпеливо сказал он. С этими словами он вдруг расстегнул свое жалкое пальто, вытащил из-за пазухи холщовый мешочек, висевший на шнурке у него на шее, и вынул из мешочка темный камень.

— Интересно, можете ли вы определить, что это такое? — Он притянул мне камень.

Надо сказать, что приблизительно год назад в свободное время я занимался подготовкой к экзаменам на ученную степень в лондонском университете.

тете, так что у меня есть некоторое представление о физике и минералогии. Камень напоминал неотшлифованный темный алмаз, но был слишком велик, почти с ноготь большого пальца. Я взял его и увидел, что у него форма правильного октаэдра с гранями, характерными для этого драгоценного минерала. Я вынул перочинный нож и поскреб камень — безрезультатно. Под газовым фонарем я испытал камень: чиркнул им по часовому стеклу и легко провел белую черту. С возрастающим любопытством я посмотрел на моего собеседника:

— Действительно, очень похоже на алмаз. Но тогда это гигант среди алмазов. Откуда он у вас?

— Я же вам говорю, что сам его сделал, — ответил он. — Отдайте его мне.

Он торопливо засунул камень обратно в мешочек и застегнул пальто.

— Я продам вам его за сто фунтов, — вдруг прошептал он.

Ко мне вернулись мои подозрения. В конце концов камень мог быть просто коруидом — веществом почти такой же твердости — и лишь по чистой случайности походить формой на алмаз. Если это алмаз, то как он очутился у этого человека и почему он предлагает продать камень всего за сто фунтов?

Мы взглянули друг другу в глаза. В его взгляде выражалось ожидание — нетерпеливое, но честное. В эту минуту я поверил, что он пытается продать мне настоящий алмаз. Но я небогат, сто фунтов пробили бы заметную брешь в моих финансах, да и какой человек в здравом уме станет покупать алмаз при свете газового фонаря у обворванного бродяги, поверив ему на слово. И все же алмаз такой величины вызвал в моем воображении тысячи фунтов. Но тогда, подумал я, этот алмаз должен упоминаться во всех книгах о драгоценных камнях. Мне вспомнились рассказы о контрабандистах и ловких нафрах в Напской колонии. Я уклонился от прямого ответа.

— Откуда он у вас? — спросил я.

— Я сделал его.

Я кое-что слыхал о Муассоне, но знал, что его искусственные бриллианты очень небольшой величины. Я покачал головой.

— Вы как будто разбираетесь в этих вещах. Я расскажу вам немного о себе. Быть может, тогда вы передумаете и купите алмаз.

Он отвернулся от реки, засунул руки в карманы и вздохнул:

— Я знаю, вы все равно мне не поверите.

— Алмазы, — начал он, и по мере того, как он говорил, я перестал чувствовать, что это говорит бродяга: речь его становилась свободной речью образованного человека, — алмазы делаются так. Углерод выделяют из соединения в определенном плавильном флюсе и при соответствующем давлении. Тогда углерод выкристаллизовывается не в виде графита или угольного порошка, а в виде мелких алмазов. Все это давно известно химикам, но никому еще не удалось напасть именно на тот флюс, в котором надо плавить углерод, и определить давление, которое может дать наилучшие результаты. Поэтому-то алмазы, сделанные химиками, такие мелкие

и темные и не имеют настоящей ценности.

И вот я посвятил этой задаче свою жизнь — всю свою жизнь. Я начал изучать условия, при которых получают алмазы, когда мне было семнадцать лет, а теперь мне тридцать два. Я знал, что на это уйдет лет десять, а то и двадцать, которые могут отнять у человека все его силы, всю его энергию, но даже и тогда игра стоила свеч. Предположим, что кто-то, наконец, натолкнулся на разгадку секрета; тогда, прежде чем тайна выйдет наружу и алмазы станут дешевле угля, этот человек сможет заработать миллионы. Миллионы!

Он замолчал и взглянул на меня, словно ища сочувствия. Глаза его сверкали голодным блеском.

— И подумать только, — сказал он, — что я почти всего достиг, и вот теперь...

Когда мне исполнился двадцать один год, у меня было около тысячи фунтов, и я думал, что эта сумма и небольшой приработка уроками дадут мне возможность продолжать изыскания. Учение, главным образом в Берлине, заняло года два, а затем я стал работать самостоятельно. Самое трудное было — соблюдать тайну. Видите ли, если бы я проболтался, моя вера в осуществимость идеи могла бы подстreichнуть других, а я не считаю себя таким гением, чтобы наверняка прийти к открытию первым, если начнется борьба за первенство. Как вы сами понимаете, важно было, раз уж я действительно решил сколотить состояние, чтобы люди не знали о том, что алмазы можно делать искусственным путем и производить тоннами. Поэтому я был вынужден работать совершенно один. Сперва у меня была маленькая лаборатория, но когда мои ресурсы начали истощаться, мне пришлось продолжать опыты в жалкой комнатаушне без мебели в Кэнтиштауне. Я спал на соломенном матрасе прямо на полу, посередине приборов. Деньги буквально испарялись. Я отказывал себе во всем, чтобы икупать необходимое для моих исследований. Я старался продержаться, давая уроки, но педагог я неважный, нет у меня ни университетского диплома, ни достаточного образования, кроме химического. Мне приходилось тратить уйму времени и труда, а получать за это пустяки. Но я все приближался и приближался к цели. Три года назад я решил проблему состава флюса и почти достиг нужного давления, поместив флюс в особую углеродную смесь в ружейный ствол; я добавил туда воды, герметически закрыл ствол и принял нагревать.

Он помолчал.

— Довольно рискованно, — сказал я.

— Да. Ружье разорвалось и разбило все окна и значительную часть аппаратуры. Зато я получил что-то вроде алмазного порошка. Пытаясь добиться большого давления на расплавленную смесь, чтобы выкристаллизовать из нее алмазы, я обнаружил, что некий Добре, работавший в Парижской лаборатории пороха и селитры, взрывал динамит в плотно зачинченном стальном цилиндре, таком прочном, что он не мог защупуть. Я узнал, что Добре мог дробить скалы, превращая их в породы, подобные южноафриканским, в которых залегают алмазы. Я заказал стальной ци-

цилиндр, сделанный по его чертежу, хотя это сильно подкосило меня в смысле средств. Я забил в цилиндр весь материал и взрывчатые вещества, развел огонь в горне и — вышел прогуляться.

Меня рассмешило, что он рассказывает это так деловито.

— А вы не подумали, что может взорваться весь дом? Были там другие жильцы?

— Этого требовали интересы науки, — сказал он, помолчав. — Этажом ниже жила семья торговца фруктами, рядом со мной — сочинитель просительных писем, а наверху — две цветочницы. Возможно, я поступил несколько необдуманно, но не исключено, что не все жильцы были дома. Когда я вернулся, цилиндр лежал на том же месте в куче раскаленных добела углей. Взрывчатка не разорвала корпуса. Теперь передо мной встала новая проблема. Видите ли, время — важный фактор при кристаллизации. Если сократить процесс, кристаллы получатся мелкие. Только длительное выдерживание увеличивает кристаллы. Я решил охлаждать цилиндр в течение двух лет, постепенно снижая температуру. Деньги у меня к этому времени кончились. Мне приходилось все время поддерживать огонь в горне и платить за комнату, надо было также утолять голод, и у меня не осталось ни гроша.

Вряд ли я теперь припомню все, чём я промышлял, пока занимался изготовлением алмазов. Я продавал газеты, держал под уздцы лошадей, открывал дверцы экипажей. В течение многих недель я надписывал конверты. Мне пришлось служить помощником у продавца с ручной тележкой, я должен был сзывать народ по одну сторону улицы, в то время как он выкликав товар по другую. Один раз у меня целую неделю не было никакой работы, и я просил милостыни. Что это была за неделя! Однажды, когда погас огонь в горне и я весь день ничего не ел, какой-то парень, гулявший с девушкой, хотел пустить ей пыль в глаза и дал мне шесть пенсов. Да благословит бог тщеславие! Какое благоухание доносилось из лавок, где торговали жареной рыбой! Но я пошел и на все деньги купил угля, снова раскалил горн, а потом... Да, от голода человек глушеет. Наконец, три недели назад, я погасил огонь и вынул цилиндр. Он был еще такой горячий, что жег мне руки, пока я его развинчивал. Я выскреб крошающуюся лавообразную массу долотом и растолок ее на железном листе. И нашел в ней три крупных алмаза и пять маленьких. Когда я сидел на полу, стуча молотком, дверь отворилась и вошел мой сосед, сочинитель просительных писем. Он был по обыкновению пьян.

«Ан-нархист», — сказал он.

«Вы пьяны», — отрезал я.

«Разр-рушитель, мерр-завец!» — продолжал он.

«Подите к гъяволу», — отвечал я.

«Не бес-по-койтесь», — сказал он, икая и подмигивая мне с хитрым видом.

Потом он прислонился к двери и, устремив глаза на косяк, начал болтать о том, как он рылся в моей комнате, как ходил с лоджии утром в полицию и там запысывали все, что он говорил, «как будто я джентмен», —

сказал он.

Тут я вдруг понял, что влип. Или я должен выдать полиции мой секрет, и тогда о нем узнают все и каждый, или же меня арестуют как анархиста. И вот я взял соседа за шиворот, встряхнул его как следует, а потом убрался подобру-поздорову со своими алмазами. Вечерние газеты назвали мою каморку «кэнтиштаунской фабрикой бомб». И теперь я никак не могу отделаться от своих алмазов. Если я захожу к почтенным ювелирам, они просят меня обождать, и я слышу, как они шепчутся с приказчиком и посылают его за полисменом, и тогда я заявляю, что не могу ждать. Я нашел скучника краденого: он прямо вцепился в алмаз, который я ему дал, и предложил мне потребовать его обратно через суд. Теперь я ношу алмазы на себе — несколько сот тысяч фунтов — и не имею ни пищи, ни кровати. Вы первый, кому я доверил свою тайну: мне нравится ваше лицо, а меня, что называется, притерло к стене.

Он посмотрел мне в глаза.

— Было бы сумасшествием, — сказал я, — купить алмаз при таких обстоятельствах, да я и не ношу с собой сотен фунтов. И все же я готов поверить вам. Если хотите, сделаем так: приходите завтра ко мне в контору...

— Вы думаете, я вор, — с горечью сказал он. — Вы сообщите в полицию. Нет, не пойду я в ловушку.

— Я почему-то убежден, что вы не вор. Вот моя карточка, и во всяком случае возьмите еще вот это. Не будем назначать свидания. Приходите, когда угодно.

Он взял карточку и то, что я дал ему в залог мой доброжелательности.

— Надеюсь, вы передумаете и придете, — сказал я.

Он с сомнением покачал головой.

— Когда-нибудь я отдам ваши полкроны и с процентами, с такими процентами, что вы ахнете, — сказал он. — Ведь вы сохраните все в тайне? Не ходите за мной.

Он перешел через улицу к ступенькам под аркой, ведущей на Эссен-стрит, и исчез в темноте. Больше я его никогда не видел.

Впоследствии я дважды получал от него письма с просьбой прислать банкноты (но не чеки) по такому-то адресу. Взвесив все, я поступил так, как счел наиболее благоразумным. Один раз он заходил, когда меня не было на месте: по описанию посыльного мальчишки, это был очень худой, грязный, оборванный человек, мучительно кашлявший. Он ничего не просил передать. И это все, что я знаю о нем. Иногда мне очень хочется узнать, что стало с ним? Был ли это просто маньяк, мошенник, торговавший фальшивыми камнями, или он действительно сделал эти алмазы, как утверждал? Последнее настолько правдоподобно, что по временам я спрашивала себя, не упустил ли я самую блестящую возможность всей своей жизни? Быть может, он умер, и алмазы его выбросили, как сор, — повторяю, один был величиной с ноготь. А может быть, он все еще бродит по улицам, пытаясь сбыть свои сокровища? Может случиться и так, что он еще предстанет когда-нибудь миру и, пересекая мой путь на безоблач-

ной высоте, доступной лишь богачам и патентованным знаменитостям, безмолвно упрекнет меня за отсутствие предприимчивости. Иногда я думаю, что, пожалуй, надо было рисковать. Хотя бы пятью фунтами.

ВОЛШЕБНАЯ ЛАВКА

Издали мне случалось видеть эту волшебную лавку и раньше.

Раза два я проходил мимо ее витрины, где было столько привлекательных товаров: волшебные шары, волшебные куры, чудодейственные колпаки, куклы для чревовещателей, корзины с аппаратурой, для фокусов, колоды карт, с виду совсем обыкновенные, и тому подобная мелочь. Мне и в голову не приходило зайти в эту лавку. Но вот однажды Джип взял меня за пальц и, ни слова не говоря, потащил к витрине; при этом он вел себя так, что не войти с ним туда было никак невозможно.

По правде говоря, я и не думал, что эта скромная лавочонка находится именно здесь, на Риджент-стрит, между магазином, где продаются картины и заведением, где выводятся цыплята в патентованных инкубаторах. Но это была она. Мне почему-то казалось, что она ближе к Сэргус, или за углом на Оксфорд-стрит, или даже в Холборне, и всегда я видел ее на другой стороне улицы, так что к ней было не подойти, и что-то в ней было неуловимое, что-то похожее на мираж. Но вот она здесь, в этом нет никаких сомнений, и пухлый указательный пальчик Джипа стучит по ее витрине.

— Будь я богат, — сказал Джип, тыча пальцем туда, где лежало «Исчезающее яйцо», — я купил бы себе вот это. И это. — Он указал на «Младенца, плачущего совсем как живой». — И это.

То был таинственный предмет, который назывался: «Купи и удивляй друзей!» — как значилось на аккуратном ярлычке.

— А под этим колпаком, — сказал Джип, — пропадает все, что ни положи. Я читал об этом в одной книге... А вон, папа, «Неуловимый грошник», только его так положили, чтобы не видно было, как это делается.

Джип унаследовал милые черты своей матушки: он не звал меня в лавку и не надоедал приставаниями, он только тянул меня за пальц по направлению к двери — совершенно бессознательно, — и было яснее ясного, чего ему хочется.

— Вот! — сказал он и указал на «Волшебную бутылку».

— А если б она у тебя была? — спросил я.

И, услыхав в этом вопросе обещание, Джип просиял.

— Я показал бы ее Джесси! — ответил он, полный, как всегда, заботы о других.

— До дня твоего рождения осталось меньше ста дней, Джип, — сказал я и взялся за ручку двери.

Джип не ответил, но еще сильнее сжал мой пальц, и мы вошли в лавку.

Это была не простая лавка, это была лавка волшебная. И потому Джип не проследовал к прилавку впереди меня, как при покупке обыкновенных игрушек. Здесь он всю тяжесть переговоров возложил на меня.

Это была крошечная, тесноватая полутемная лавочонка, и дверной ко-

локольчик задребезжал жалобным звоном, когда мы захлопнули за собой дверь. В лавочке никого не оказалось, и мы могли оглядеться. Вот тигр из папье-маше на стекле, покрывающем невысокий прилавок, — степенный, добродушный тигр, размеренно качающий головой; вот хрустальные шары всех видов; вот фарфоровая рука с колодой волшебных карт; вот целый набор разнокалиберных волшебных аквариумов; вот нескромная волшебная шляпа, бесстыдно выставившая напоказ все свои пружины. Кругом было несколько волшебных зеркал. Одно вытягивало и суживало вас, другое отнимало у вас ноги и расплющивало вашу голову, третье делало из вас какую-то круглую, толстую чурку. И пока мы ходили перед этими зеркалами, откуда-то появился какой-то мужчина, очевидно, хозяин.

Впрочем, кто бы он ни был, он стоял за прилавком, странный, темноволосый, бледный. Одно ухо было у него больше другого, а подбородок — как носок башмака.

— Чем могу служить? — спросил он и растопырил свои длинные волшебные пальцы по стеклу прилавка.

Мы вздрогнули, потому что не подозревали о его присутствии.

— Я хотел бы купить моему мальчику какую-нибудь игрушку попроше, — сказал я.

— Фокусы? — спросил он. — Ручные? Механические?

— Что-нибудь позабавнее, — ответил я.

— Гм... — произнес продавец и почесал голову, как бы размышляя. И прямо у нас на глазах вынул у себя из головы стеклянный шарик.

— Что-нибудь в таком роде? — спросил он и протянул его мне.

Это было неожиданно. Много раз мне случалось видеть такой фокус на эстраде — без него не обойдется ни один фокусник средней руки, — но здесь я этого не ожидал.

— Недурно! — сказал я со смехом.

— Не правда ли? — заметил продавец.

Джип отпустил мой палец и потянулся за стеклянным шариком, но в руках продавца ничего не оказалось.

— Он у вас в кармане, — сказал продавец, и действительно шарик был там.

— Сколько за шарик? — спросил я.

— За стеклянные шарики мы денег не берем, — любезно ответил продавец. — Они достаются нам, — тут он поймал еще один шарик у себя на локте, — даром.

Третий шарик он поймал у себя на затылке и положил его на прилавок рядом с предыдущим. Джип, не торопясь, оглядел свой шарик, потом те, что лежали на прилавке, потом обратил вопрошающий взгляд на продавца.

— Можете взять себе и эти, — сказал тот, улыбаясь, — а также если не брезгуете, еще один, изо рта. Вот!

Джип взглянул на меня, ища совета, потом в глубочайшем молчании сгреб все четыре шарика, опять ухватился за мой успокоительный палец

и приготовился к дальнейшим событиям.

— Так мы приобретаем весь наш товар, какой помельче, — объяснил продавец.

Я засмеялся и, подхватив его остроту, сказал:

— Вместо того, чтобы покупать их на складе? Оно, конечно, дешевле.

— Пожалуй, — ответил продавец. — Хотя в конце концов и нам приходится платить, но не так много, как думают иные. Товары покрупнее, а также пищу, одежду и все, что нам нужно, мы достаем вот из этой шляпы... И позвольте мне заверить вас, сэр, что на свете совсем не бывает оптовых складов настоящих волшебных товаров. Вы, верно, изволили заметить нашу марку: «Настоящая волшебная лавка».

Он вытащил из-за щеки прейскурант и подал его мне.

— Настоящая, — сказал он, указывая пальцем на это слово, и привесил: — У нас без обмана, сэр.

У меня мелькнула мысль, что его шутки не лишены последовательности.

Потом он обратился к Джипу с ласковой улыбкой:

— А ты, знаешь ли, Неплохой Мальчуган...

Я удивился, не понимая, откуда он мог догадаться. В интересах дисциплины мы держим это в секрете даже в домашнем кругу. Джип выслушал похвалу молча и продолжал смотреть на продавца.

— Потому что только хорошие мальчики могут пройти в эту дверь.

И тотчас же, как бы в подтверждение, раздался стук в дверь и послышался пискливый голосок:

— И-и! Я хочу войти туда, папа! Папа, я хочу войти! И-и!

И уговоры измученного папаши:

— Но ведь заперто, Эдуард, нельзя!

— Совсем не заперто! — сказал я.

— Нет, сэр, у нас всегда заперто для таких детей, — сказал продавец, и при этих словах мы увидели мальчика: крошечное лицо, болезненно-бледное от множества поедаемых лакомств, искривленное от вечных капризов, лицо бессердечного маленького себялюбца, царапающего заколдованное стекло.

— Не поможет, сэр, — сказал торговец, заметив, что я со свойственной мне услужливостью шагнул к двери.

Скоро хнычувшего избалованного мальчика увели.

— Как это у вас делается? — спросил я, переводя дух.

— Магия! — ответил продавец, небрежно махнув рукой. И — ах! — из его пальцев выплетали разноцветные искры и погасли в полутьме магазина.

— Ты говорил там, на улице, — сказал продавец, обращаясь к Джипу, — что хотел бы иметь нашу коробку «Купи и удивляй друзей»!

— Да, — признался Джип после героической внутренней борьбы.

— Она у тебя в кармане.

И, перегнувшись через прилавок (тело у него оказалось необычайной длины), этот изумительный субъект с ужимками заправского фокусника

вытащил у Джипа из кармана коробку.

— Бумагу! — сказал он и достал большой лист из пустой шляпы с дружинами.

— Бечевку! — И во рту у него оказался клубок бечевки, от которого он отмотал бесконечно длинную нить, перевязал ею сверток, перекусил зубами, а клубок, как мне показалось, проглотил. Потом об нос одной из чревовещательных кукол зажег свечу, сунул в огонь палец (который тотчас же превратился в палочку красного сургуча) и запечатал покупку.

— Вам еще понравилось «Исчезающее яйцо», — заметил он, вытаскивая это яйцо из внутреннего кармана моего пальто, и завернул его в бумагу вместе с «Младенцем, плачущим совсем как живой». Я передавал каждый готовый сверток Джипу, а тот крепко прижимал его к груди.

Джип говорил очень мало, но глаза его были красноречивы, красноречивы были его руки, обхватившие подарки. Его душой овладело невыразимое волнение. Поистине это была настоящая магия.

Но тут я вздрогнул, почувствовав, что у меня под шляпой шевелится что-то мягкое, трепетное. Я схватился за шляпу, и голубь с измятыми перьями выпорхнул оттуда, побежал по прилавку и шмыгнул, кажется, в картонную коробку позади тигра из папье-маше.

— Ай, ай, ай! — сказал продавец, ловким движением отбирая у меня головной убор. — Скажите, пожалуйста, эта глупая птица устроила здесь гнездо!

И он стал трясти мою шляпу, вытряхнул оттуда два или три яйца, мраморный шарик, часы, с полдюжины неизбежных стеклянных шариков и скомканную бумагу, потом еще бумагу, еще и еще, все время распорстряясь о том, что очень многие совершенно напрасно чистят свои шляпы только сверху и забывают почистить их внутри, — все это, разумеется, очень вежливо, но не без личных намеков.

— Накапливается целая куча мусора, сэр... Конечно, не у вас одног... Чуть не у каждого покупателя... Чего только люди не носят с собой!

Мятая бумага росла, и вздымалась на прилавке все выше и выше, и совсем заслонила его от нас. Только голос его раздавался по-прежнему:

— Никто из нас не знает, что скрывается иногда за благообразной внешностью человека, сэр. Все мы — только одна видимость, только гробы повалленные...

Его голос замер, точь-в-точь как у ваших соседей замер бы граммофон, если бы вы угодили в него ловко брошенным кирпичом, — такое же внезапное молчание. Шуршание бумаги прекратилось, и стало тихо.

— Вам больше не нужна моя шляпа? — спросил я наконец.

Ответа не было.

Я поглядел на Джипа, Джип поглядел на меня, и в волшебных зеркалах отразились наши искаженные лица — загадочные, серьезные, тихие.

— Я думаю, нам пора! — сказал я. — Будьте добры, скажите, сколько с нас следует... Послушайте, — сказал я, повысив голос, — я хочу расплатиться... И, пожалуйста, мою шляпу...

Из-за груды бумаг как будто послышалось сопение,

— Он смеется над нами! — сказал я. — Ну-ка, Джип, поглядим за прилавок.

Мы обошли тигра, качающего головой. И что же? За прилавком никою не оказалось. На полу валялась моя шляпа, а рядом с нею в глубокой задумчивости, съежившись, сидел вислоухий белый кролик — самый обыкновенный, глупейшего вида кролик, как раз такой, какие бывают только у фокусников. Я нагнулся за шляпой — кролик отпрыгнул от меня.

— Папа! — шепнул Джип виновато.

— Что?

— Мне здесь нравится, папа.

«И мне тоже нравилось бы, — подумал я. — если бы этот прилавок не вытянулся вдруг, загораживая нам выход». Я не сказал об этом Джипу.

— Киска! — произнес он и протянул руку к кролику. — Киска, покажи Джипу фокус!

Кролик шмыгнул в дверь, которой я там раньше почему-то не видел, и в ту же минуту оттуда опять показался человек, у которого одно ухо было длиннее другого. Он по-прежнему улыбался, но когда наши глаза встретились, я заметил, что его взгляд выражает не то вызов, не то насмешку.

— Не угодно ли осмотреть нашу выставку, сэр? — как ни в чем не бывало сказал он.

Джип потянул меня за пальц. Я взглянул на прилавок, потом на продавца, и глаза наши снова встретились. Я уже начинал думать, что волшебство здесь, пожалуй, слишком уж подлинное.

— К сожалению, у нас не очень много времени, — начал я. Но мы уже находились в другой комнате, где была выставка образцов.

— Все товары у нас одного качества, — сказал продавец, потирая гибкие руки, — самого высшего. Настоящая магия, без обмана, другой не держим! С ручательством... Прошу прощения, сэр!

Я почувствовал, как он отрывает что-то от моего рукава, и, оглянувшись, увидел, что он держит за хвост крошечного красного чертика, а тот извивается, и дергается, и норовит укусить его за руку. Продавец беспечно швырнул его под прилавок. Конечно, чертик был резиновый, но на какое-то мгновение... И держал он его так, как держат в руках какую-нибудь кусачую гадину. Я посмотрел на Джипа, но его взгляд был устремлен на волшебную деревянную лошадку. У меня отлегло от сердца.

— Послушайте, — сказал я продавцу, понижая голос и указывая глазами то на Джипа, то на красного чертика, — надеюсь у вас не слишком много таких... изделий, не правда ли?

— Совсем не держим! Должно быть, вы занесли его с улицы, — сказал продавец, тоже понизив голос и с еще более ослепительной улыбкой, — Чего только люди не таскают с собой, сами того не зная!

Потом он обратился к Джипу:

— Нравится тебе тут что-нибудь?

Джипу многое нравилось.

С доверчивой почтительностью обратившись к чудесному продавцу,

он спросил:

— А эта сабля тоже волшебная?

— Волшебная игрушечная сабля — не гнется, не ломается и не режет пальцев. У кого такая сабля, тот выйдет цел и невредим из любого единоборства с любым врагом не старше восемнадцати лет. От двух с половиной шиллингов до семи с половиной, в зависимости от размера... Эти картонные доспехи предназначены для юных рыцарей и незаменимы в странствиях. Волшебный щит, сапоги-скороходы, шапка-невидимка.

— Ох, папа! — воскликнул Джип.

Я хотел узнать их цену, но продавец не обратил на меня внимания. Теперь он совершенно завладел Джипом. Он оторвал его от моего пальца, углубился в описание своих проклятых товаров, и остановить его было невозможно. Скоро я заметил со смутной тревогой и каким-то чувством, похожим на ревность, что Джип ухватился за его палец, точь-в-точь как обычно хватался за мой. «Конечно, он человек занятый, — думал я, — и у него накоплено много прелюбопытной дряни, но все-таки...».

Я побрал за ними, не говоря ни слова, но зорко присматривая за этим фокусником. В конце концов Джипу это доставляет удовольствие... И никто не помешает нам уйти, когда вздумается.

Выставка товаров занимала длинную комнату, большая галерея изобиловала всякими колоннами, подпорками, стойками; арки вели в боковые помещения, где болтались без дела и зевали по сторонам приказчики самого странного вида; на каждом шагу нам преграждали путь и сбивали нас с толку разные портьеры и зеркала, так что скоро я потерял ту дверь, в которую мы вошли.

Продавец показал Джипу волшебные поезда, которые двигались без пара и пружины, чуть только вы открывали семафор, а также драгоценные коробки с оловянными солдатиками, которые оживали, как только вы поднимали крышку и произносили... Как передать этот звук, я не знаю, но Джип — у него тонкий слух его матери — тотчас же воспроизвел его.

— Браво! — воскликнул продавец, весьма бесцеремонно бросая оловянных человечков обратно в коробку и передавая ее Джипу. — Ну-ка еще разок!

И Джип в одно мгновение опять воскресил их.

— Вы берете эту коробку? — спросил продавец.

— Мы бы взяли эту коробку, — сказал я, — если только вы уступите нам со скидкой. Иначе нужно быть миллионером...

— Что вы! С удовольствием.

И продавец снова впихнул человечков в коробку, захлопнул крышку, помахал коробкой в воздухе — и тотчас же она оказалась перевязанной бечевкой и обернутой в серую бумагу, а на бумаге появились полный адрес и имя Джипа!

Видя мое изумление, продавец засмеялся.

— У нас настоящее волшебство, — сказал он. — Подделок не держим.

— По-моему, оно даже чересчур настоящее, — отозвался я.

После этого он стал показывать Джипу разные фокусы, необычайные

сами по себе, а еще больше — по выполнению. Он объяснял устройство игрушек и вворачивал их наизнанку, и мой милый малыш, страшно сердечный, смотрел и кивал с видом знатока.

Я не мог уследить за ними. «Эй, живо!» — вскрикивал волшебный продавец, и вслед за ним чистый детский голос повторял: «Эй, живо!» Но меня отвлекло другое. Меня стала одолевать вся эта чертовщина. Ею было проникнуто все: пол, потолок, стены, каждый гвоздь, каждый стул. Меня не покидало странное чувство, что стоит мне только отвернуться — и все это запляшет, задвигается, пойдет бесшумно играть у меня за спиной в пятнашки. Карниз извивался, как змея, и лепные маски по углам были, по правде говоря, слишком выразительны для простого гипса.

Внезапно внимание мое привлек один из приказчиков, человек диковинного вида.

Он стоял в стороне и, очевидно, не знал о моем присутствии (мне он был виден не весь: его ноги заслоняла груда игрушек и, кроме того, нас разделяла арка). Он беспечно стоял, прислонясь к столбу и проделывая со своим лицом самые невозможные вещи. Особенно ужасно было то, что он делал со своим носом. И все это с таким видом, будто просто решил поразвлечься от скуки. Сначала у него был коротенький приплюснутый нос, потом нос неожиданно вытянулся, как подзорная труба, а потом стал делаться все тоньше и тоньше и в конце концов превратился в длинный, гибкий красный хлыст... Как в страшном сне! Он размахивал своим носом в разные стороны и забрасывал его вперед, как рыболов забрасывает удочку.

Тут я спохватился, что это зрелище совсем не для Джипа. Я оглянулся и увидел, что все внимание мальчика поглощено продавцом и он не подозревает ничего дурного. Они о чем-то шептались, поглядывая на меня. Джип взобрался на табуретку, а продавец держал в руке что-то вроде огромного барабана.

— Сыграем в прятки, папа! — крикнул Джип. — Тебе водить!

И не успел я вмешаться, как продавец накрыл его большим барабаном. Я сразу понял, в чем дело.

— Поднимите барабан! — закричал я. — Сию минуту! Вы испугаете ребенка! Поднимите!

Человек с разными ушами беспрекословно повиновался и протянул мне этот большой цилиндр, чтобы я мог вполне убедиться, что он пуст! Но на табуретке тоже не было никого! Мой мальчик бесследно исчез!..

Вам, может быть, знакомо зловещее чувство, которое охватывает вас, словно рука неведомого, и сильно сжимает вам сердце! Это чувство сметает куда-то прочь ваше обычное «я», вы сразу напрягаетесь, становитесь осмотрительны и предприимчивы, вы не медлите, но и не торопитесь, гнев и страх исчезают. Так было со мной.

Я подошел к ухмыляющемуся продавцу и опрокинул табуретку ударом ноги.

— Оставьте эти шутки, — сказал я. — Где мой мальчик?

— Вы сами видите, — сказал он, показывая мне пустой барабан, — у

нас никакого обмана...»

Я протянул руку, чтобы схватить его за шиворот, но он, ловко извернувшись, ускользнул от меня. Я опять бросился на него, но он опять увилил и распахнул какую-то дверь.

— Стой! — крикнул я.

Он убежал со смехом, я ринулся за ним и со всего размаху вылетел в тьму.

Хлоп!

— Фу ты! Я вас и не заметил, сэр!

Я был на Риджент-стрит и столкнулся с каким-то очень почтенным рабочим. А недалеко от меня, немного растерянный, стоял Джип. Я кое-как извинился, и Джип с ясной улыбкой подбежал ко мне, как будто только что на одну секунду потерял меня из виду.

В руках у него было четыре пакета!

Он тотчас же завладел моим пальцем.

Сначала я не знал, что подумать. Я обернулся, чтобы увидеть дверь волшебной лавки, но ее нигде не было. Ни лавки, ни двери — ничего!

Самый обыкновенный простенок между магазином, где продаются картины, и окном с цыплятами...

Я сделал единственное, что было возможно в таком положении: встал на краю тротуара и помахал зонтиком, подзывая кеб.

— В карете! — восторженно воскликнул Джип. Он не ждал этой дополнительной радости.

Я усадил Джипа, не без труда вспомнил свой адрес и сел сам. Тут я почувствовал что-то необычное у себя в кармане и вынул оттуда стеклянный шарик. С негодованием я бросил его на мостовую.

Джип не сказал ни слова.

Некоторое время мы оба молчали.

— Папа! — сказал наконец Джип. — Это была хорошая лавка!

Тут я впервые задумался, как же он воспринял все это приключение. Он оказался совершенно цел и невредим — это главное. Он не был напуган, он не был расстроен, он просто был страшно доволен тем, как провел день, и к тому же у него в руках было четыре пакета.

Черт возьми! Что могло там быть?

— Гм! — сказал я. — Маленьkim детям нельзя каждый день ходить в такие лавки!

Он принял эти слова со свойственным ему stoicismом, и на минуту даже пожалел, что я его отец, а не мать, и не могу тут же, согром publico¹ расцеловать его. «В конце концов, — подумал я, — не так уж все это страшно».

Но окончательно утвердился я в этом мнении, только когда мы распаковали наши свертки. В трех оказались коробки с обычными, но такими замечательными оловянными солдатиками, что Джип совершенно забыл о тех «Настоящих, волшебных солдатах», которые он видел в лавке, а в четвертом свертке был котенок — маленький белый живой котенок,

¹ При народе (лат.).

очень веселый и с преи́рбенным аппетитом.

Я рассматривал содержимое пакетов с облегчением, но все-таки еще с опаской. Проторчал я в детской не знаю сколько времени...

Это случилось шесть месяцев тому назад. И теперь я начинаю думать, что никакой беды не произошло. В котенке оказалось не больше волшебства, чем во всех других котятах. Солдаты оказались такими стойкими, что ими был бы доволен любой полковник. Что же касается Джипа...

Чуткие родители согласятся, что с ним я должен был соблюдать осеннюю осторожность.

Но недавно я все же отважился на серьезный шаг.

Я спросил:

— А что, Джип, если бы твои солдаты вдруг ожили и пошли маршировать?

— Мои солдаты живые, — сказал Джип. — Стоит мне только сказать одно словечко, когда я открываю коробку

— И они маршируют?

— Еще бы! Иначе за что их и любить!

Я не высказал неуместного удивления и попробовал несолько раз, чуть только он возьмется за своих солдатинов, неожиданно войти к нему в комнату. Но никаких признаков волшебного поведения я до сих пор за ними не заметил. Так что трудно сказать, прав ли Джип или нет.

Еще один вопрос: о деньгах. У меня неизлечимая привычка всегда платить по счетам. Я исходил вдоль и поперек всю Риджент-стрит, но не нашел той лавки. Тем не менее я склонен думать, что в этом деле честь моя не пострадала ведь раз этим людям — что бы они ни были — известен адрес Джипа, они могут в любое время явиться ко мне и получить по счету.

ВОСХОЖДЕНИЕ МАМОЧКИ НА ПИК СМЕРТИ

Нажется, рассказывая о том, как я летал на своем первом аэроплане, я уже упоминал, что в Арозе я поставил своеобразный рекорд, свалившись на протяжении трех дней в три ледниковые расселины. Это случилось до того, как со мной пошла в горы моя мамочка. Когда она прибыла, я сразу заметил, что она выглядит усталой, встревоженной и измученной, и вот, чтобы избавить ее от гостиничных треволнений и докучных сплетен, я упаковал ее и два рюкзака и отправился на север, в продолжительную веселую и освежающую прогулку, которую близ Снийоха в отеле Магенруе пресек выскочивший у мамочки на ноге волдырь. Она рвалаась идти вперед — пусть даже с волдырем — я в жизни не встречал такого, как у нее, мужества, — но я сказал: «Нет! Здесь альпинистская гостиница, и меня вполне устраивает эта жизнь между небом и землей. Ты будешь посаживать на веранде и смотреть в подзорную трубу, а я пока немного поброшу по вершинам».

— Смотри, чтоб что-нибудь не случилось, — проговорила она.

— Ручаться, мамочка, не могу, — ответил я, — но я буду все время помнить, что я твой единственный сын,

И я отправился бродить...

Стоит ли упоминать, что уже через два дня я перессорился со всеми альпинистами в гостинице. Они меня просто не переваривали. Их раздражала моя шея с выпяченным кадыком — у большинства из них голова была просто посажена на плечи, — раздражала моя манера держаться и задирать свой авиаторский нос к горным вершинам. Их раздражало, что я вегетарианец и николюко от этого не страдаю; и еще их раздражало сочетание тонов — зеленого и оранжевого — в моем настюме из грубой саржи. Все они были какие-то безликие — из той породы людей, кого я зову книжными червями, — осторожные, правильные существа, большей частью из Оксфорда, которые лезли в горы с такой осмотрительностью, точно несли с собой какой-нибудь бьющийся предмет. Они ходили с глубокомысленным видом, в ответ на любой вопрос нивали головой и повторяли одно: «Это, знаете ли, рискованно!». Они строго держались советов проводников и книжных инструкций и классифицировали друг друга по военном-дениям; у того это было девятое восхождение, у этого — десятее, и так далее. Я был новичок, и мне надлежало сидеть смирно и помалкивать.

Разумеется, это было не для меня!

Я сидел в курительной, посасывая свою трубку с гигиенической травой — они утверждали, что она пахнет так, будто в саду жгут мусор, — и ждал возможности вставить фразу и немножечко промыть им мозги. Раставшись со своей обычной сдержанностью, они откровенно выказывали мне свою антипатию.

— Друзья мои, вы слишком серьезно относитесь к этим проклятым горам, — произнес я. — Они великие проказники, вот и вам надо показать, что вы люди с юмором.

Они искоса поглядывали на меня.

— Я не вижу большой радости в таком ползанье по горам. Старый альпинизм наделил скалолазов не только альпенштоками и веревочными лестницами, но и известной долей беззаботности. Таково мое понимание альпинизма.

— Но не наше, — возразил красноречий складолаз, вся кома которого блистала волдырями и шелушилась, и сказал он это с явным желанием уничтожить меня.

— Это же вернее верного, — проговорил я спокойно и выпустил клуб своего травяного дыма.

— Когда вы наберетесь опыта, вы будете правильнее судить обо всем этом, — сказал другой альпинист, старообразный юнец с седенькой бородкой.

— Я еще никогда ничему не научался на опыте, — возразил я.

— Похоже, что так, — включился третий.

Теперь был мой ход. Я поистине олицетворял собой спокойствие.

— Прежде чем спуститься гнездо, я намерен покорить Пик Смерти, — сказал я и сразил всех наповал.

— А когда вы собираетесь вниз?

— Этак через недельку, — ответил я невозмутимо,

— Но такой подъём не под силу тому, кто впервые в горах, — объяснял шелудивый.

— А вам в особенности не стоит затевать подобное дело, — отзвался другой.

— Ни один проводник с вами не пойдет.

— Безрассудная затея.

— Пустое бахвальство.

— Хотел бы я на это взглянуть!

Я дал им немножко покипятиться и, когда они чуточку поостыли, произнес раздумчиво:

— Пожалуй, я возьму с собой мамочку. Она маленькая, благослови ее бог, но на редкость закаленная!

По моей плохо скрытой улыбке они поняли, что наш спор кончился вничью; они еще что-то промычали, но тем на сей раз удовлетворились и завели вполголоса какую-то свою беседу, откровенно меня игнорируя. Все это только еще больше укрепило мое намерение. Когда мне нужно доказать, что я не трус, я непоколебим, и вот я решил, что мамочка непременно пойдет на Пик Смерти, куда не доползла и половина из этих надутых знатоков, — пусть я даже погибну или осиротею в этой попытке. И я заговорил с ней об этом на следующий же день. Она сидела на веранде в шезлонге, закутанная в кучу пледов, и любовалась горными вершинами.

— Уютно? — спросил я.

— Очень, — ответила она.

— Отдыхаешь?

— Здесь так хорошо.

Я приблизился к перилам веранды.

— Видишь во-он ту вершину, мамочка?

Она кивнула со счастливой улыбкой, не открывая глаз.

— Это Пик Смерти. Послезавтра мы должны с тобой взойти на него.

Она слегка приоткрыла глаза.

— Там, наверно, крутой подъем, дружок? — спросила она.

— Я все подготовлю, — ответил я, и она улыбнулась в знак согласия и снова закрыла глаза.

— Как подготовишь — пойдем, — ответила она.

Е тот же день после полудня я спустился в долину и направился в Даксдам, чтобы раздобыть нужные приспособления и нанять проводников и носильщиков, а потом еще день тренировался в хождении по ледникам и горам, расположенным над гостиницей. Это не прибавило мне авторитета. Я дважды там поскользнулся. В первый раз я свалился в расселину — к чему проявлял особое рвение, — и три альпиниста, шедшие на Киндершиц, более часа вытуживали меня оттуда; во второй раз удержался сам, но уронил ледоруб на головы людей, поднимавшихся к леднику Хампи. Ледоруб чудом никого не задел, однако по шуму и гвалту, какой они подняли, вы бы решили, что я вышиб мозги у всей группы. Послушали бы вы, как они выражались, и шедшие с ними три дамы тоже!

Назавтра было предпринято что-то вроде коллективной попытки поме-

шать нашему походу. Альпинисты выставили против нас хозяина отеля, всячески увещевали мамочку и как могли чернили двух моих проводников. Брат владельца гостиницы был заклятым врагом моих людей.

— Два года назад, — сообщил он, — они потеряли здесь одного господина.

— Хорошо, не двух! — отпарировал я.

Моя шутка его обескуражила. Она застрияла у него в мозгу, как рыбная кость в горле, поскольку он был чужд английскому юмору.

Тогда явился шелудивый и попробовал учинить проверку нашему снаряжению, спрашивая: «Ну а это вы взяли?.. А то?..».

— Во всяком случае, мы не забыли две вещи, — произнес я, беззастенчиво уставившись на его нос, — вуалетку и вазелин.

По сей день помню наше выступление в поход. Примерно в двухстах футах над нами лежало ущелье, а сам отель, с его вывеской и окнами, расположенный на огромном пустом плоскогорье, приближивавшем нас на добрую тысячу футов к западному отрогу горного массива, вырисовывался на фоне бугристой в зеленую прожилку скалы, испещренной тут и там пятнами снега и темными полосками рододендронов. Перед нами бежала дорога, извиваясь меж валунов, то вниз, к камушкам, ведшим через горный поток, то вверх, на другую его сторону, к леднику Магенре, откуда нам предстояло подняться влево на скалы и потом идти через глетчер к уступам на отвесном западном склоне. Был ранний час, солнце еще вставало, и дали вокруг нас прятались в холодной голубизне. Все обитатели гостиницы говылазели из постелей, чтобы присутствовать при этом событии, и теперь стояли молчаливой группой — иные в неприличном дезабилье — и созерцали наш исход. Последние долетевшие до меня слова были:

— Им придется вернуться!

— Конечно, мы вернемся! — крикнул я. — Можете за нас не беспокоиться!

И мы двинулись в путь, спокойно и неторопливо, через горный поток и дальше, вверх и вверх к снежным склонам и ледниковым уступам Пика Смерти. Помню, что какое-то время мы шли в полном молчании, а потом вдруг, когда все заискрилось в лучах восходящего солнца, наша речь, словно бы отаяв, полилась ручьем.

В нашем багаже имелось несколько предметов, которые я не желал выставлять на обозрение моих коллег-альпинистов и потому не стал объяснять, зачем я нанял пятерых носильщиков, хотя поклажи было меньше, чем на троих. Но когда мы подошли к глетчуру, я решил отчасти раскрыть свои карты и извлек на свет божий крепкий веревочный гамак. Мы уложили в него мамочку, хорошенко укутав ее пледом, который закрепили вокруг нее двумя-тремя стяжками; затем мы выстроились гуськом и связались канатом: я — предпоследний, спереди и сзади проводники, а в середине мамочка, несомая двумя носильщиками. Я просунул альпеншток в две дыры, проделанные под рюкзаком в плечах куртки, что придало моей фигуре сходство с буквой «т», и теперь, когда я скатывался в ледни-

ковую расселину — а я редко нахожу из них пропускай, — я застревал в ее пасти и легко выбирался наружу, едва лишь натягивалась Веревка. Словом, если не считать нескольких внезапных толчков, весьма позабавивших мою родительницу, все пока шло гладко.

Но вот, ужे на том берегу, мы приблизились к горному подъему, брать который надо было с умом. Отсюда нам надлежало карабкаться по уступам, предоставленным в наше распоряжение природой, и тут мамочка оказалась просто находкой. Мы перекинули ее через огромную расселину — из тех, что отделяют скалу от глетчера, не помню, как они по-научному, — распаковали ее, и теперь, стояло нам подойти этак футов на восемь к уступу, на который мы собирались взобраться, как два наши проводника хватали мамочку и забрасывали туда, благо она была не тяжелее перышка, и она потом подавала ногу следом идущему, чтобы тот ухватился за нее и подтянулся наверх. Она уверяла, что мы сейчас выдернем ей ногу, а сба мы до того хотели, что всей группе приходилось останавливаться и дожидаться, пока мы успокойимся.

В целом это был весьма утомительный отрезок нашего маршрута: потребовалось добрых два часа, чтобы мы добрались до каменных глыб на самом гребне горы.

— Идти вниз будет труднее, — сказал старший проводник.

Я впервые обернулся назад, и, признаться, у меня слегка закружилась голова. Передо мной был ледник, вроде бы совсем небольшой, но между ним и скалами зиял черный провал.

Какое-то время мы преображенными поднимались по скалистому хребту безо всяких приключений, если не считать того, что разворчался один из носильщиков: ему в голень угодил камень, оброненный мной.

— Военный инцидент, — пошутил я, но он, очевидно, был иного мнения, и, когда я промахнулся в него вторым камнем, разразился громкими притчаниями, из которых я, не поняв ни слова, уразумел лишь, что он уверен, будто изъясняется по-немецки.

— Он говорит, что ты мог убить его, — пояснила мамочка.

— «Все говорят. Ну что ж, пусть говорят!» — провозгласил я в ответ.

Я предложил ему отдохнуть и подкрепиться, но старший проводник отверг мою идею. Мы и так уже потеряли много времени, заявил он, а спуск по тому склону под лучами солнца грозит снежным обвалом. И вот мы пошли. Когда мы заворачивали на другую сторону горы, я обернулся иглянул на наш отель, походивший отсюда на пятнышко неправильной формы, и показал то ли ног, то ли кукиш тем, кто мог глазеть на нас в подзорную трубу.

И все же мы учинили снежный обвал, каковой извлек громкие молитвы из уст проводника, шедшего в арьергарде, хотя на нас самих упало всего лишь несколько комьев снега. Основная часть лавины рухнула где-то в двух-трех ярдах подальше. Мы в этот момент стояли на уступе и находились выше нее: до этого и после мы пробиралась по ступенькам, которые в ледяном склоне выбурал идущий впереди проводник и выравнивали

носильщики. Снежный овал всего больше потрясает сознание своими предшественниками; наверху вдруг подымается страшный грохот, отдающийся жутким гулом в синих глубинах пропастей, когда же снежный пласт начинает двигаться, эффект явно ослабевает — ну, летят себе глыбы почти в человеческий рост, и все.

— Живые? — спросил проводник.

— Даже веселые! — ответил я.

— Надеюсь здесь не очень опасно, дружок? — осведомилась мамочка.

— Не более, чем на Трафальгар-сквер, — заявил я, — А ну, гол, мамуля!

И она прыгнула вверх с поразительной ловкостью.

Двигаясь по противоположному склону, мы добрались наконец до площадки, покрытой плотным слежавшимся снегом, где можно было устроить привал и подкрепиться, — и до чего же мы с мамочкой были рады отдуху и пище! Но тут наши отношения с проводниками и носильщиками еще больше осложнились. Они были уже слегка раздражены моими шутками по поводу тех упавших камней и теперь подняли страшный скандал, когда мы вместо обычного койняка предложили им безалкогольный имбирный напиток. Да вы хоть попробуйте! В рот не возьмем! Какое-то время под облаками, в разреженном горном воздухе, шел странный спор о ценности продуктов питания и преимуществах бутербродов с ореховой пастой. Наши спутники были из числа тех чудаков, которые настойчиво держатся вредносной пищи. Они требовали мяса, им нужен был алкоголь, никотин. Вы бы, верно, решили, что подобные люди, живущие почти в полном единении с природой, предпочут всему такие натуральные продукты, как плазмон, протоз, пролбоз, дигестин и прочее. Как бы не так! Они просто жаждали плодов развращенной цивилизации. Когда я заикнулся о пользе ключевой воды, один из носильщиков очень выразительно плюнул в пропасть. С этого момента наш конфликт стал неразрешимым.

Мы двинулись дальше около половины двенадцатого после тщетной попытки нашего старшего проводника уговорить нас вернуться назад. Теперь мы подошли к самому, пожалуй, трудному участку подъема на Пик Смерти, к узкой кромке, ведущей к снежной равнине под гребнем горы. Однако тут мы внезапно попали в поток теплого ветра, дувшего с юго-запада, и все здесь, по словам проводника, было не как всегда. Обычно упомянутая кромка представляет собой полосу льда над скалой. Сегодня она была рыхлой и мягкой, так что пробить углубление и установить в нем ногу не представляло никакого труда.

— Вот отсюда и свалилась группа господина Томлинсона, — сообщил нам один из носильщиков, когда мы уже минут десять как шли по кромке.

— Иные люди умудряются выпасть из кровати с пологом, — бросил я в ответ.

— К нашему возвращению тропа намерзнет, — объявил второй проводник, — а заодно и мы с вашим имбирным напитком для согрева...

— Натягивайте потуже канаты! — приказал я.

К тому времени, когда мамочка начала уставать, на помощь ей при-

шел спасительный выступ, и мы бояться упаковали ее в гамак, оставив снаружи лишь ноги, и тщательно закрепили канатом. Мамочка немножко толкала нас, когда гамак, медленно вращаясь, повисал над пропастью, и у всех возникало ощущение неминуемой гибели.

— Скажи, мой друг, это ничего, что я вас толкаю? — спросила она меня при первом рискованном подъеме.

— Конечно, ничего, — ответил я, — но когда ты опять сможешь крепко стоять на ноги, дело у нас пойдет много лучше,

— Ты уверен, что тут не опасно, дружок?

— Ни чуточки.

— Я тебя не утомила?

— Ты меня подбадриваешь.

— А вид отсюда действительно очень красивый, — заметила она.

— Но скоро окрестный пейзаж скрылся из наших глаз, все вокруг за- волокло облаками, и в воздухе закружились хлопья мокрого снега.

К половине второго мы достигли верхнего плоскогорья, снег на котором был необычайно мягок. Старший проводник провалился в него по самые подмышки.

— Ныряю! — сказал я и распластался на снегу в позе пловца.

Так мы пробирались к вершине и продвигались по ней. Мы делали небольшой рывок, а потом останавливались, чтобы набрать воздуха в легкие, и еще волокли за собой мамочку в ее гамаке. Местами снег был до того крепкий, что мы легко скользили по его поверхности; местами же он был до того раскисший, что мы погружались в него и разбрызгивали его вокруг. Один раз яступил на самый край, и снежная глыба подломилась подо мной, но меня спас державший меня канат, и таким образом мы к трем часам дня добрались до вершины без дополнительных приключений. Вершина представляла собой голую скалу обычной пирамидальной формы, увенчанную пиком. Ничего такого, чтобы стоило поднимать из-за этого столько шума. Тучи снега и ключья облаков рассеялись, солнце ярко светило над нашими головами, и, казалось, нам была предоставлена на обозрение вся Швейцария. Отель Магенрюе лежал у самых наших ног, скрытый, так сказать, нашими подбородками. Мы уселись на корточках вокруг каменного пика, и нашим спутникам пришлось все же вкусить имбиря к вегетарианских сандвичей с ветчиной. Я кое-как нацарапал надпись, в которой сообщал, что дошел сюда на самой простой пище и, следовательно, поставил рекорд.

Отсюда с вершины снежные плоскогорья на северо-восточном склоне горы казались очень привлекательными, и я спросил старшего проводника, почему альпинисты не поднимаются с этой стороны. Он пробурчал что-то про обрывы и пропасти на своем маловразумительном немецком.

Пока что наше восхождение проходило вполне обычным образом, разве что чуточку медленнее, чем полагалось. Зато во время спуска моя склонность к неумышленной оригинальности проявилась вовсю. Я воспротивился нашему возвращению через верхнее снежное плато, поскольку ноги и руки у мамочки были совсем холодные, и предложил ей немножко

попрятать. Но, прежде чем я успел ее подхватить, она поскользнулась, попробовала подняться и, вместо того чтобы двинуться наверх, как следовало бы, понеслась вниз со склона и так, катясь кувырком, проложила путь к этим чертовым пропастям и обрывам над нижним плато, про которые толковал проводник.

Не теряя ни минуты, я метнулся вслед за ней рывком горнолыжника, не выпуская из рук топорика. Я не вполне понимаю, что собирался делать, но, очевидно, я хотел преградить ей дорогу и затормозить ее падение. Как бы то ни было, но мне это не удалось. Уже через полминуты я скользнул вниз и продолжал в сидячей позе катиться вниз без всякой надежды остановиться.

Так вот, самые великие открытия — результат случайностей, и я утверждаю, что мы с мамочкой открыли в этот момент два новых, совсем особых способа спускаться с горы.

Для этого необходимы: во-первых, покрытый снегом горный склон, где на корке льда лежит пласт мягкого талого снега; затем, пропасть со снежным скатом, крутизна которого наверху больше, чем внизу; далее, еще сколько-то снежных склонов и пропастей по вкусу участников и, наконец, какое-нибудь снежное плато или не слишком изобилующий трещинами ледник, а можно просто удобный, не очень каменистый склон. И тогда вы покатитесь как по желобу.

Мамочка применяла боковой прием. Она катилась клубочком. Поскольку она упала в липкий снег, то уже через полминуты из нее получился преотличный снежный ком, главную массу которого составлял снег из снежной лавины, такой чистый и обильный, о котором можно только мечтать. Перед ней шел плотный слой снега, что, собственно, и было основой обоих наших методов. Надо, чтобы вы упали на свою порцию снега, а не она на вас, иначе вы будете ею раздавлены. Еще необходимо, чтобы в состав снежного кома не входили сорвавшиеся каменья.

Я, со своей стороны, прошел как снегоочиститель и приземлился раньше мамочки, хотя и медленнее ее и, возможно, с меньшей грацией, однако с большим достоинством. Кроме того, я куда больше сумел увидеть. Но все равно это был стремительный полет. И я не успел перевести дух, как мамочка пролетела над краем скалы и исчезла в воздухе.

Весь этот полет до момента, когда я выбрался из пропасти, походил на бешеный спуск с горы на санях, и еще это было как во сне.

Я всегда думал, что падать, наверно, очень страшно. А оказывается — ни капельки. Я готов был провисеть не одну неделю в этих снежных тучах, — так спокойно было у меня на душе. У меня было в ту пору такое ощущение, будто я уже умер и это не имеет ни малейшего значения. Я не был напуган, — ну просто ничуть! — но при этом не испытывал хоть какого-нибудь неудобства. Бац! Мы на что-то налетали, и я ждал, что сейчас разлечусь в куски. Но нас просто скинуло на нижнюю часть покрытого снегом склона, вдобавок еще под таким крутым углом, что это прервало на миг наше падение. И опять мы покатились вниз. Теперь уже я мало что видел вокруг, потому что голова моя была вся за-

леплена снегом, только ноги вытянуты вперед в неком подобии сидячей позы, и тут мой полет замедлился, потом опять убыстрился, я обо что-то слегка ударился, потом ударился посильнее, ударился еще и еще и замер. Я был сейчас погребен в снегу и сдвинут на бок — на правое плечо мне навалилась тяжелая глыба снега.

Мгновение я сидел неподвижно, наслаждаясь покоем, а потом во мне проснулась тревога — что же с мамочкой, — и я стал выбираться из-под снега. Это было не так просто, как вам кажется: снег, местами твердый, местами мягкий, превратился в некое подобие гигантской губки, и я, прийдя в ярость, копал и ругался на чем свет стоит, пока наконец не справился с этим делом. Я вылез из-под снега и увидел, что нахожусь на краю огромного сугроба совсем рядом с верховым ледника Магенруе. А вдали, вверху, справа от ледника и ближе к противоположному склону, что-то вроде черного тараканчика барахталось в центре огромного развалившегося надвое снежного кома.

Я поднес обе руки ко рту и издал доступное мне подобие тирольского «иодель-ди!», и вскоре я увидел, что мамочка машет мне рукой.

Мне потребовалось почти двадцать минут, чтобы добраться до нее. Памятую о своем тяготении к расселинам, я с особой осторожностью обходил каждую из них. Когда я приблизился к мамочке, лицо у нее было встревоженное.

— Что ты сделал с проводниками? — спросила она.

— У них тяжелая поклажа, — сказал я. — Они спускаются другой дорогой. Тебе понравился этот спуск?

— Не очень, дружок, — ответила она, — но, кажется, я скоро ко всему привыкну. А какой дорогой мы пойдем дальше?

Я решил, что нам лучше поискать снежную тропу через бергшрунд — так это, по-моему, называется, — чтобы оттуда взобраться на скалы с восточной стороны глетчера, и, проделавши этот путь, мы уже дальше без приключений прямиком спустились к отелю.

Наше возвращение вызвало такой взрыв зависти и недоброжелательства, какого я не встречал ни до, ни после. Сперва альпинисты попробовали доказать, что мы так и не добрались до вершины, но гордый голосок мамочки пресек эту оскорбительную попытку. И кроме того, у нас были свидетели — спускавшиеся вслед за нами проводники и носильщики. Когда обитатели отеля осведомились о проводниках, я сказал:

— Они пользуются вашими методами и, наверно, появятся завтра утром или еще когда-нибудь.

Это не обрадовало моих собеседников.

Я утверждал, что поставил рекорд. А они говорили, что я применял незаконные приемы.

— Если я считаю возможным, — возражал я, — использовать для спуска снежный обвал, вам-то что до этого? Сперва вы заявляете, что нам с мамочкой не влезть на эту проклятую гору, а когда нам это удается,

¹ Бергшрунд — краевая трещина в верхней части ледника, отделяющая движущийся лед от примерзшего к скалам.

придурываете тысячу правил, чтобы перечеркнуть наш успех. В следующий раз вы скажете, что скольжение вообще под запретом. Я поставил рекорд, и вы прекрасно это знаете, и это вас жутко злит. Вы попросту, друзья мои, ни черта не смыслите в том, чем занимаетесь. Существует удобный и быстрый способ спускаться с горы, и вам бы следовало про это знать!..

— Но у вас был один шанс из тысячи вернуться назад живыми.

— Ерунда! Так мог прёкрасно спуститься любой человек, если только он не педант. А вам, друзья мои, надо поупражняться в падении со скал в снег. Это очень легко и абсолютно безопасно, когда знаешь, как взяться за дело.

— Послушайте, молодой человек, — сказал старообразный юнец с седенькой бородкой, — вы, очевидно, никак не возьмете в толк, что оба вы с этой дамой чудом остались живы!..

— Это все в теории! — прервал я его. — Я вообще не пойму, милиции, зачем вы прикатили в Швейцарию?! Я бы на вашем месте придумал какую-нибудь такую игру под названием «Альпинист» и подсчитывал, у кого сколько очков. Однако ты устала, мамочка. Тебе сейчас очень бы впору поесть горяченького и улечься в теплую постель. Я не стану будить тебя целые полтора суток.

Ну до чего же людям претит чужая оригинальность!

Герберт УЭЛС

ПОХИЩЕННАЯ БАЦИЛЛА

СОДЕРЖАНИЕ

Похищенная бацилла	3
Человек, который делал алмазы	8
Волшебная лавка	14
Восхождение на Пик Смерти	22

Б4 48л.

У98

Текст печатается по изданию: Герберт Уэлс «МАШИНА ВРЕМЕНИ», «ВОЙНА МИРОВ», РАССКАЗЫ. М. «Художественная литература», 1983

Всесоюзное общество «Книга», Сахалинская организация ДОК РСФСР.

Редактор и художественно-технический редактор В. В. Кукушкин.

Корректор Н. Ф. Новикова.

Сдано в набор 2/III-1990 г. Подписано к печати 11/III-1990 г. Формат бумаги 60×84/16. Бумага газетная. Гарнитура Литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр. отт. 1,86 Тираж 50000. Заказ № 408.

Цена 1 руб.

Всесоюзное общество «Книга», Сахалинская организация ДОК РСФСР.
693010, Южно-Сахалинск, 17.

Александровск-Сахалинская типография, 694420, Александровск-Сахалинский,
Комсомольская, 20.